

Хроники
Некрономикона

Мистические рисунки Ивана Иванова

Говард Филлипс Лавкрафт

НОЧНОЙ ОКЕАН

ИЗБРАННАЯ ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ
И РОМАНТИЧЕСКАЯ ПРОЗА

Хроники Некрономикона

Говард Лавкрафт

Ночной океан

«Феникс»

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84(7)-31

Лавкрафт Г. Ф.

Ночной океан / Г. Ф. Лавкрафт — «Феникс», — (Хроники
Некрономикона)

ISBN 978-5-222-40003-6

Не имеющая аналогов подборка романтических, поэтических, фэнтезийных произведений Лавкрафта, лишённых признаков хоррора. Книга для настоящих ценителей творчества великого писателя. Перед вами предстанет необычный, «светлый» Лавкрафт. Писатель, способный вызывать не только страх. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84(7)-31

ISBN 978-5-222-40003-6

© Лавкрафт Г. Ф.
© Феникс

Содержание

Приключенческая проза	6
От переводчика	7
Узник фараонов[1]	8
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Говард Филлипс Лавкрафт

Ночной океан

© Оформление: ООО «Феникс», 2022

© Иллюстрации: Иванов И., 2022

© Перевод: Шокин Г. О., 2022

© В оформлении обложки использованы иллюстрации по лицензии Shutterstock.com

Приключенческая проза

От переводчика

Говард Лавкрафт – расхититель гробниц

Говарда Лавкрафта принято считать в первую очередь автором ужасов, закрывая глаза на то, что узкие жанровые рамки едва ли отражают широту его писательского таланта. Точно так же гениального британца Герберта Уэллса – чьим большим поклонником Лавкрафт, к слову, являлся – принято в наше время помнить лишь фантастом, в то время как половина, если не больше, романов Уэллса – реализм, сатира, есть в их числе и любовные мелодрамы...

Работы, представленные в данном разделе книги, несомненно, могут быть причислены к «ужасам» – в той же мере, как, скажем, «Приключения Артура Гордона Пима» Эдгара По или уэллсовский, опять же, «Остров Эпиорниса». Да, здесь есть пугающие описания – хотя так и хочется охарактеризовать их скорее как «экзотические», – и никуда, конечно же, не делись узнаваемые имена пантеона циклопических божеств вроде Ктулху и Шаб-Ниггурат. Но попробуйте, читатель, взглянуть на эти произведения как на прекрасные, высококлассные образчики приключенческой литературы. Разве в чем-то здесь «дедушка Л.» уступает ее мэтрам?

«Узник фараонов» написан Лавкрафтом под впечатлением от дружбы с величайшим шоуменом и иллюзионистом своего времени Гарри Гудини – хоть в тексте это нигде прямо не указано, он и выведен в истории главным героем. «Безымянный город» и «Курган», с их романтической подземных миров с необычными и страшными обитателями, во многом предвосхитили набор сюжетов и приемов современных видеоигр с «открытым миром», они необычайно кинематографичны и пронизаны подлинно приключенческим духом встречи с неизведанным. Из невзыскательных черновиков литературного поденщика Адольфо де Кастро Лавкрафт создал остросюжетный триллер об электрическом палаче – нечто абсолютно несвойственное своему привычному стилю – и не менее захватывающую историю об эпидемии и цене научного открытия, в которой нотки научной фантастики невероятно органично вплетаются в «готическую» канву. Из всех представленных в данном разделе книги историй «Ночь в музее» и «Правда о покойном Артуре Джермине и его семействе» наиболее «хоррорные» – но одни только описания предпринятой антагонистом сэром Роджерсом экспедиции в вековые льды в первом рассказе или упоминания о затерянном в джунглях городе «белых обезьян» во втором живейшим образом воскрешают в памяти другой, также несомненно авантюрный шедевр мастера – «Хребты безумия».

Впрочем, ознакомьтесь с этими достойными представителями жанра сами – и решите для себя, сколь правомерен подобный взгляд на наследие одного из самых необычных и одаренных писателей начала бурного двадцатого века.

Узник фараонов¹

Одной большой тайне свойственно притягивать к себе множество малых. Стоило мне прославиться в качестве виртуозного иллюзиониста и эскаписта, как фигура моя обросла всевозможными слухами и легендами, привлекающими все большее людское внимание к моей деятельности и персоне. Не буду отрицать, что не все из этих историй – правда; но замечу, что немало и таких, что в действительности имели место быть.

Банальные и необычные, рискованные и скучные, связанные с наукой или же с искусством – много их было, и обо многих из них я рассказывал и буду рассказывать откровенно. Но есть одна, о которой я всегда вспоминаю с большим нежеланием, и если сейчас ее и поведаю, то только под давлением возрастающего интереса прессы, в распоряжение которой неведомыми лично мне путями попали кое-какие слухи.

История эта напрямую связана с моим визитом четырнадцатилетней давности в Египет. Утаивал я ее в силу ряда противоречий. В частности, не поддается сомнению то, что есть в ней шокирующая правда, сокрытая от многих гостей страны фараонов – тех, что с энтузиазмом толпятся близ пирамид и территорий раскопок; правда, с большим усердием утаиваемая осторожными властями Каира, – уж они-то, вне всяких сомнений, осведомлены о многом! Но и в той же мере точно то, что какую-то часть произошедшего я домыслил, и домыслы эти, воплотившиеся в самый фантастический ряд образов, произросли всего лишь из моего увлечения египтологией и раздумий на эту тему, естественно возбуждаемых окружающей обстановкой. В итоге в памяти моей живет картина потрясающая и противоестественная, и тесно переплелись в ней впечатления как от небывалых фактов, так и от фактической небывальщины; границы между этими двумя категориями размыло время.

В январе 1910 года подошел срок окончания моего договора в Англии, и я подписал контракт на турне с австралийскими театрами. Так как турне это предполагало наличие свобод-

¹ Рассказ, написанный в 1924 году для Гарри Гудини, пропитан популярным в те годы «духом спиритизма» – многие иллюзионисты, и Гудини не исключение, взяли за моду представлять свое мастерство как результат общения с потусторонними силами. Лавкрафт весьма вольно обошелся с персонажем, но самому Гудини произведение понравилось – до самой своей смерти в 1926 году он общался с Лавкрафтом, запланировав к соавторству еще целый ряд так и не написанных работ, самая известная из них – просветительский труд «Рак суеверия». Критик Лин Картер в своей работе 1972 года «Лавкрафт: Взгляд в прошлое мифов Ктулху» выделил эту историю как «одну из лучших того времени, написанных Лавкрафтом».

ного времени, я решил потратить его главным образом на путешествия, к коим питал плохо скрываемую слабость. Итак, в сопровождении жены я, полагаясь на благосклонность фортуны, пересек континент и в Марселе сел на пароход «Мальва», приписанный к Порт-Саиду. Перед отплытием в Австралию я вознамерился посетить исторические вехи всего восточного Египта.

Плавание выдалось приятным, но не без курьезов – а курьезы, должен вас заверить, следуют за иллюзионистом даже на отдыхе. Спокойствия ради я решил держать свое имя в секрете – и так бы и было, не плыви вместе со мной довольно-таки бесталанный собрат по профессии, выжимавший расположение из публики безыскусными трюками. Бросив ему вызов, я без особого труда одолел его – ценой того, что был узнан. О разоблачении своего инкогнито я упоминаю не случайно, а в связи с конечным эффектом – эффектом, который мне следовало бы предвидеть, прежде чем раскрывать себя перед туристами на пароходе, которые потом разбрелись по всей долине Нила. Теперь, где бы я впоследствии ни появлялся, меня всюду узнавали. Я лишил себя и свою жену желанного спокойного отдыха. Путешествуя ради того, чтобы приобщиться к неизведанному, я сам в силу собственной гордыни стал предметом всеобщего приобщения, словно интригующий музейный экспонат.

Мы прибыли в Египет в поисках живописных мест, удивительных красот и волнующих тайн, но далеко не все наши чаяния оправдались, когда судно медленно приблизилось к Порт-Саиду и всех нас пересадили в небольшие лодки. Низкие песчаные дюны, раскачивающиеся на поверхности мелких вод буйки и отчаянно непримечательный городишко европейского образца, где и увидеть-то нечего, кроме памятника Фердинанду Мари де Лессепсу, побудили нас двинуться в дальнейший путь, чтобы повидать что-то более интересное и достойное нашего внимания. Немного поразмыслив, мы надумали сразу же отправиться в Каир и к пирамидам, потом – в Александрию на австралийский пароход. Там, к слову, попутно можно было ознакомиться и с красотами греко-римского периода, которыми был известен древний метрополь.

Путешествие поездом вышло довольно-таки неплохим, да и отняло у нас всего четыре с половиной часа. Мы узрели большую часть Суэцкого канала, вдоль которого следовали, и получили беглое представление о старом Египте в быстро промелькнувшей перед глазами панораме восстановленного и наполненного водой канала времен Римской империи. Потом наконец показался Каир, мерцающий огнями в сгущающихся сумерках, – там нас встречал блистательный гранд-вокзал.

Но нас вновь ожидало разочарование, ибо все вокруг было европейским, кроме, пожалуй, одеяний прохожих и их облика. Обычный подземный переход вывел нас на площадь, ярко освещенную электрическими огнями, сверкающими на высоких зданиях, всю в мельтешении отъезжающих трамваев и таксомоторов. По случаю мы очутились рядом с тем самым театром, где меня тщетно просили выступить, который я позже посещал как зритель.

Мы поселились в отеле «Шепард», куда добрались на такси, быстро мчавшемся вдоль широких, застроенных в стиле «модерн» улиц. Среди всей этой главным образом англо-американской роскоши дивный Восток с его древним прошлым казался чем-то бесконечно далеким, минувшим.

Следующий день, однако, вверг нас в восхитительную атмосферу арабских ночей – извивающиеся улочки и экзотические силуэты Каира на фоне неба, казалось, вновь оживили Багдад времен Гаруна аль-Рашида. Сверяясь с «Бедкером», мы прошли площадь Атаба и двинулись по улице Муски на восток, к кварталам, населенным подлинными по крови и рождению египтянами. Вскоре мы прибились к брызжущему жизнерадостностью и энергией гиду, и, несмотря на то, в каком свете этот персонаж предстал позднее, я до сих пор дивлюсь его мастерству.

Много позже я пожалел о том, что в отеле не обратился к дипломированному gidу. Доставшийся нам проводник, впрочем, внушал доверие – ухоженный и представительный обладатель примечательного приглушенного голоса, напоминавший фараонова отпрыска и назвавшийся Абдулом Рейсом эль Скурсавадом. Создавалось впечатление, что он сам по себе

какая-то местная достопримечательность или знаменитость, но в полиции нам позже заявили, что человек с таким именем им неизвестен. Позже я и сам понял, что имя было вопиюще вымышленным, а «эль Скурсавад» – не более чем иронично искаженное «на восточный манер» слово «экскурсовод».

Абдул показал нам такие чудеса, о которых мы только читали или знали понаслышке. Древний Каир сам по себе словно удивительная книга, роскошная мечта – лабиринты узких улочек, полных необыкновенной таинственности, балконы в арабском стиле и эркеры, почти срастающиеся в одно над мощными булыжниками улицами; водоворот восточного транспорта с его необычными звуками и выкриками, шелканье кнутов, грохотанье тележек, звон монет, пронзительный крик ослов; мозаика многокрасочных одежд, паранджи, тюрбаны, фески; водоносцы и дервиши, собаки и кошки, предсказатели и парикмахеры; и над всем этим монотонные песнопения слепых нищих, низко кланяющихся из подворотен, и громкие молитвы муэдзинов в изящно расписанных минаретах, чьи купола попирали голубой небосвод.

А местные базары – ну разве не чудо? Так и пестрят шелка и ковры, пузырьки духов и россыпи пряностей, четки и бусы, медь и латунь. Вот старый как мир Махмуд Сулейман сидит, скрестив ноги, в окружении чудных сосудов и бутылок; а вот молодые торговцы горчицей толкут свой товар на обломке древней античной колонны, что, возможно, помнит еще Гелиополь и легионы римского владыки Августа. Древность мешается с экзотикой; мечети соседствуют с музеями; живой и жизнелюбивый арабский колорит, привнесенный халифами-сарацинами в Средние века, оттеняет мрачно-торжественный дух того Египта, каким его помнили фараоны и жреческие династии.

Солнце уже садилось, когда мы, совершив подъем по скалистому склону, обошли вокруг современной мечети Мохаммеда Али и бросили взор с головокружительной высоты на таинственный Каир, весь сверкающий золотом резных куполов, воздушных минаретов и пламенеющих яркими багровыми красками садов. Высоко над городом будто бы парил огромный римский купол нового музея; а за ним, по ту сторону загадочного желтого Нила, праотца великих родов, притаились грозные пески Ливийской пустыни с ее переливающимися барханами и древними зловещими тайнами.

Низко опустилось утомленное солнце, принеся прохладу египетским сумеркам; и в последние минуты его пребывания на этой стороне Земли мы увидели вырисовывающиеся на фоне его багряных лучей темные контуры пирамид Гизы – убеленные сединами веков усыпальницы, сохранившиеся с того времени, когда Тутанхамон взойшел на золотой трон в Фивах. Прогулка по сарацинскому Каиру завершилась – нас ждал Египет, таинственный и древний; Египет Ра и Амона, Исиды и Осириса.

На следующее утро мы отправились к пирамидам. Сев в двуколку, мы пересекли остров Гезиру с его рощами гигантских лебахий и по небольшому мосту, построенному по английскому проекту, выехали на западный берег. Миновав зоосад в предместье Гизы, а затем свернув в направлении Эль-Харам, мы пересекли район каналов и бедняцких лачуг. Внезапно из утреннего тумана перед нами предстал, отражаясь во многочисленных лужах, объект нашей поездки. *Сорок веков смотрели на нас с вышины этих пирамид*, молвил в этом самом месте своим солдатам Наполеон.

Дорога начала крутой подъем, и мы достигли посадочной платформы между трамвайной станцией и отелем «Мина-Хаус». Абдул Рейс, предельно быстро раздобывший нам билеты, казалось, прекрасно ладил с толпящимися здесь шумливыми бедуинами, жителями окрестных деревень, считавшими чуть ли не долгом своим докучать каждому встречному путешественнику. Он старался не подпускать их к нам. Раздобыв отличную пару верблюдов для нас, сам гид взобрался на осла и поручил вести наших животных группе мужчин и подростков, которые скорее обернулись для нас лишними тратами, чем подспорьем. Местность, которую нам пред-

стояло пересечь, была настолько коротка, что вряд ли была необходимость и в верблюдах, но мы не жалели о том, что обогатились таким опытом – ездой на славных «кораблях пустыни».

Пирамиды были возведены на выдающемся каменном плато, близ самой северной группы усыпальниц, строившейся исключительно для мемфисской знати. Мемфис, деливший с пирамидами один речной берег, ныне не был столицей Египта; строго говоря, он вовсе прекратил свое существование. Период его расцвета остался в далеком прошлом – между 3400 и 2000 годами до нашей эры.

Самая большая пирамида, расположенная ближе всех к современной дороге, была возведена фараоном Хеопсом – или, если угодно, Хуфу – в ту памятную плодотворную эпоху. Высотой она сравнима с телебашней. Юго-восточнее нее стоит вторая пирамида, выстроенная фараоном Хефреном на полвека позже – пусть она чуть меньших размеров, смотрится даже внушительней первой, из-за поднятого выше уровня песков фундамента. Значительно меньшая третья пирамида – усыпальница фараона Микерина – относится приблизительно к 2700 году до нашей эры. На краю плато, прямо к востоку от второй пирамиды, восседает исполинский Сфинкс, лицу которого, как издавна принято считать, придано портретное сходство с фараоном Хефреном, – безмолвный, сардонический и невероятно мудрый. Существует множество жутких историй о том Сфинксе, каким он был до преобразования в Хефрена – впрочем, какими бы ужасными ни были его прежние черты, древний царь мудро заменил их своими, дав людям смотреть на этого колосса без страха и содрогания.

Малые, не представляющие большого интереса пирамиды и остатки разрушенных малых пирамид рассеяны по всему плоскогорью – то тут, то там проступают следы гробниц и захоронений, принадлежащих жрецам и священнослужителям меньшего ранга. Эти гробницы изначально обозначались с помощью усеченных пирамид вокруг помещенных на большей глубине надгробий. Традиционно эти *мастабы* находились лишь на мемфисских кладбищах – в Гизе подобные зримые приметы были разрушены временем или уничтожены мародерами; остались только высеченные из камня надгробия, занесенные песком либо же расчищенные археологами – одно лишь доказательство былого существования. Каждая гробница сообщалась с часовней, в которой жрецы и родственники поминали умершего, оставляли подношения и читали молитвы витающей здесь *ка*. У небольших гробниц были свои малые часовни, расположенные прямо в мастабах или надстройках; часовни пирамид, в которых покоились фараоны, были обособленными храмами. Они имелись в восточной части каждой такой пирамиды и были соединены мощеной дорожкой с центральным храмом или же монументальной аркой, поставленной у края каменистого плато.

Именно у входа в центральный храм была обнаружена диоритовая статуя Хефрена в натуральную величину. Ныне она хранится в одном из музеев Каира – статуя, пред которой я побывал лично, пред которой испытал благоговейный трепет. Произведены ли сейчас раскопки этого величественного сооружения, я не могу сказать с уверенностью, но в тысяча девятьсот десятом году основная его часть находилась еще под землей и по ночам вход в него был прегражден вооруженной охраной. Всеми работами тогда руководили немцы. Я многое бы отдал – принимая во внимание свой опыт, а также распространяемые бедуинами слухи, – чтобы узнать, что же произошло в поперечной галерее, где статуи фараона были обнаружены в непосредственном соседстве со статуями бабуинов и других животных.

Дорога, по которой мы в то утро ехали верхом на верблюдах, резко забирала влево от полицейского управления, почты, аптеки и магазинов, круто спускаясь на юго-восток, и там окончательно сворачивала к каменному плато, сталкивая следующего по ней лицом к лицу с великой пустыней и не менее великой Пирамидой. Мы проехали мимо гигантской каменистой клады, завернули с восточной стороны и посмотрели вниз, на парк малых пирамид, за которыми извечный Нил, блестя на солнце, нес свои воды на восток. Крупнейшее из сооружений этого парка лишилось изначальной облицовки, придававшей в свое время завершенность и

гладкость монументальной фигуре, – время обнажило серость каменной кладки; но его более удачливые сестры-пирамиды сохранили свою цельность и задуманную древними зодчими эстетику.

Подойдя к Сфинксу, мы молча застыли под взглядом его слепых глаз. На широкой каменной груди исполина с трудом читался символ Ра-Горахти, за копию которого принимали Сфинкса в более поздних династиях. Хотя надпись между огромными лапами чудовища и была сокрыта песком, мы вспомнили о ней – слова принадлежали Тутмосу IV и описывали откровение, что посетило его пред наследованием престола. Суть откровения того вселяла страх перед улыбкой Сфинкса и пробуждала в памяти подробности легенд о подземных лабиринтах, расположенных под исполином, – лабиринтах, ведущих вниз на такие глубины, на которые не каждый осмелится посягнуть, глубины, связанные с тайнами более древними, чем открывшийся нам династический Египет. Секреты антропоморфных зверей-богов нильского пантеона! Именно они побудили меня задаться кошмарным в своей невинности вопросом, скрытый подвох коего стал понятен мне лишь позднее.

Понаехавшие отовсюду туристы мало-помалу нагнали нас, и мы направились от них прочь, к занесенному песком Храму Сфинкса – центральному храму при второй пирамиде. Большая его часть все еще находилась под землей, во власти песков. Спешившись, мы спустились по проходу вполне современного облика в гипсовый коридор, а из него перешли в колонный зал – и чувствовал я, что Абдул, равно как и местный немецкий гид, показывает нам не все, что здесь можно было увидеть.

Нашему досмотру подверглись вторая пирамида с характерными руинами восточной часовни, третья пирамида с ее миниатюрными южными сателлитами и разрушенным храмом, каменные надгробия и могилы представителей четвертой и пятой династий и, наконец, знаменитая усыпальница Кэмпбелла, зияющая черным провалом в пятьдесят три фута глубиной с возлежащим на дне саркофагом. Один из наших погонщиков очистил его от песка, спустившись в головокружительную бездну на веревке.

Тут от великой пирамиды до нас донесся гомон. Это бедуины осаждали группу туристов, наперебой предлагая на спор совершить скоростное восхождение на вершину пирамиды. Говорят, рекордное время для такого подъема и спуска – семь минут, но диковатые дети песков заверяли нас, что способны уложиться и в пяток, был бы только необходимый стимул в виде щедрого *бакиши*.

Никакого стимула они не получили, зато Абдул по нашей просьбе сводил нас на вершину пирамиды – оттуда мы получили возможность полюбоваться не только небывалой красоты видом далекого, мерцающего огнями Каира, увенчанного золотисто-лиловыми вершинами гор, но и всеми пирамидами в этой округе, от Абу Рош на севере до Дашура на юге. Сооружение Саккара, являющее собой пример эволюции невысокой мастабы в собственно пирамиду, заманчиво проступило в песчаной дали. Как раз недалеко от этого места была обнаружена знаменитая гробница Пернеба – более чем в четырехстах милях севернее фивейской Долины Царей, где покоится Тутанхамон. И вновь я вынужден замолчать, испытывая истинный благоговейный восторг. Вид той классической древности – вкуче с тайнами, которые каждый здешний монумент, казалось, хранил и вынашивал в себе, – наполнили меня глубоким почтением и трепетом, каковой я давно уже ни пред чем не испытывал.

Устав от крутого подъема и чувствуя отвращение к назойливым бедуинам, которые дошли до того, что уже пренебрегали всеми правилами приличия, мы упустили возможность пройти по тесным внутренним ходам открытых пирамид, хотя и видели, как некоторые особо упорные изготовились к вояжу по душным лабиринтам величайшего памятника фараону Хеопсу.

Когда мы, снова заплатив, отпустили наших местных проводников и поехали обратно в Каир с Абдулом Рейсом под слепящим полуденным солнцем, мы волей-неволей стали сожалеть

об утерянном шансе. Столько интересного рассказывали об этих подземных ходах! Конечно, не в справочниках для туристов – те, по традиции, предоставляли в ваше распоряжение лишь скудные и скучные описания; но какие ходили истории вне тех мертвых страниц! Входы в подземные пассажи были опечатаны некоторыми собственниками-археологами – якобы для сохранения целостности и взятия различных проб, но кто знает, что они скрывают на самом деле?

Конечно, на проверку часто оказывалось, что слухи эти были безосновательными, но любопытно было иной раз призадуматься над той категоричностью, с какой посетителям воспрещалось входить в пирамиды по ночам или забираться в самые нижние ярусы и подземную часть Великой Пирамиды.

Возможно, последнее было банальным психологическим давлением, желанием заставить ослушавшихся чувствовать себя как бы заживо погребенными под гигантским монументом из прочной каменной кладки, откуда выход был возможен лишь по туннелю, в котором взрослому человеку даже не разогнуть спины. А если такой проход пострадает – скажем, его завалит или занесет? Да, было в этих предосторожностях рациональное зерно, но искушение порой идет наперекор всем доводам разума – мне ли об этом не знать! При первой же возможности мы решили вернуться на плато еще раз... и, к слову, мне представился шанс значительно раньше, чем ожидалось.

В тот же вечер, когда члены нашей группы, утомившись после напряженного дня, отправились отдыхать, я пошел погулять с Абдулом Рейсом по живописному арабскому кварталу. Хотя я видел его днем, мне хотелось побродить по узким улочкам и базарам в сумерках, когда густые тени и мягкие отблески света приносили в пейзаж романтический флер фантастики. Прохожих становилось все меньше, но те, что оставались, шумели за десятерых. В Сукен-Наххазине, египетском городе мастеров, мы столкнулись с компанией веселящихся бедуинов. Их явный предводитель, дерзкий молодой человек с крупными чертами лица и вызывающе вздернутым подбородком, обратил на нас внимание. Очевидно, он узнал, не проявив при этом большого дружелюбия, моего опытного, но, признаться, надменного и расположенного к насмешкам проводника.

Возможно, думал я, ему ненавистно было то странное сходство улыбки Абдула Рейса с полуулыбкой Сфинкса, которое и я часто про себя отмечал; или, может быть, ему не нравился низкий, замогильный голос Абдула. Во всяком случае, обмен любезностями на местном диалекте был оживленным; недолго думая, Али Зиз – так звали незнакомца – стал с силой тянуть Абдула за халат. Последний тут же ответил ему взаимностью, приведшей к горячей схватке, в которой оба противника потеряли свои головные уборы (а к ним, замечу, у арабов особое отношение). Потасовка грозила обернуться настоящей дракой, если бы я не вмешался и не растащил их по сторонам, приложив к тому немалое усилие.

Мое вмешательство, поначалу внешне принятое с неудовольствием с обеих сторон, наконец завершилось перемием. С явной неохотой каждый из участников драки сдержал свой пыл, поднял головной убор с напускным чувством собственного достоинства, столь же глубоким, сколь и неожиданно проявившимся; оба заключили любопытный договор чести – как я потом узнал, эта традиция происходила из древнего Каира. Этот договор предполагал выяснение правоты посредством ночного кулачного боя на вершине Великой Пирамиды. Бой должен был проходить после того, как любители достопримечательностей покинут это место. Каждый боец должен был пригласить секундантов со своей стороны. Кулачный бой должен начаться в полночь, проходить в несколько раундов, вестись предельно благородно.

Во всех этих приготовлениях было нечто возбуждавшее мой интерес. Схватка эта сама по себе обещала быть единственной в своем роде и зрелищной, и мысль моя об этой удивительной сцене на вершине древней громады, взирающей со своей высоты на не менее древнее плато Гизы при тусклом свете бледной луны в предрассветные часы, заставляла работать мое воображение на высочайших оборотах. К моей просьбе взять меня в качестве одного из секундантов

Абдул отнесся весьма благожелательно; так что остаток вечера я сопровождал его в различные притоны в самых злачных районах города – в основном к северо-востоку от Эзбекийских садов, – где он обзавелся грозной шайкой подходящих к данному случаю спутников.

Вскоре после девяти часов наша группа, усевшись верхом на ослов, внушительно поименованных Рамзесом, Марком Твенном, Линкольном и Райтом, медленно продвигалась по лабиринту улиц, пересекала мутный и заросший по берегам мачтовым лесом Нил по мосту с бронзовыми львами и устремилась легким галопом по усаженной персиковыми деревьями дороге в Гизу. Чуть больше двух часов заняло у нас это путешествие, к концу которого нам встретился последний возвращающийся турист. Мы помахали ему рукой и остались наедине с ночной природой, прошлым и призрачной луной.

Затем в конце дороги показались гигантские пирамиды, отвратительные в своей смутной атавистической угрозе, которой я совсем не почувствовал при дневном освещении. Даже в самой маленькой из них было нечто омерзительное – не в ней ли погребена заживо царица Нитокрис из Шестой Династии; коварная царица Нитокрис, которая однажды пригласила на праздник всех своих врагов в храм под Нилом и утопила их, открыв затворы шлюзов? Я вспомнил, что арабы с осторожным шепотом рассказывали что-то о Нитокрис и остерегались появляться у третьей пирамиды в определенные фазы Луны. Должно быть, это о ней размышлял Томас Мур, когда облек в стихотворную форму слова мемфисских лодочников:

*Не знают жемчуга те солнца свет,
И стылых вод покой хранит завет:
«Хозяйка сих сокровищ и земли —
Та Леди, что коварнее змеи».*

Как бы рано мы ни прибыли на место, Али Зиз и сопровождающие его все-таки опередили нас: мы увидели их ослов на фоне пустынного плато. Вместо того чтобы следовать прямой дорогой к «Мина-Хаус», где нас могла увидеть и задержать сонная безобидная полиция, мы свернули к Кафрел-Хараму, убогой туземной деревушке, расположенной близ Сфинкса и послужившей местом стоянки для ослов Али Зиза. Бедуины привязали верблюдов и ослов к мастабам придворных Хефрена, затем мы вскарабкались по скалистому склону на плато и песками прошли к Великой Пирамиде. Арабы шумным роем обсыпали ее со всех сторон и принялись взбираться по стертые каменным ступеням. Абдул Рейс предложил мне свою помощь, но я в ней не нуждался.

Насколько знают многие путешественники, сама вершина этого сооружения давно разрушилась, обнажив относительно ровную поверхность площадью около двенадцати квадратных ярдов. На этой жуткой высоте был сооружен ринг, и спустя несколько мгновений насмешливая пустынная луна искоса поглядывала на схватку, которая вполне могла бы иметь место в небольшом атлетическом клубе Америки, если бы не крики на арабском, несущиеся с ринга. Здесь так же, как и у нас, не ощущалось недостатка в запрещенных приемах, и моему не вполне дилетантскому глазу практически каждый выпад, удар и блок говорил о том, что противники не отличаются разборчивостью в методах. Схватка очень быстро закончилась, и, несмотря на мои сомнения относительно методов ее ведения, я испытывал своего рода гордость собственника, когда Абдул Рейс был признан победителем.

Примирение было необыкновенно быстрым, и среди пения, братания и выпивки, которые за ним последовали, я с трудом мог себе представить, что ссора вообще имела место. Каким бы это ни было странным, казалось, скорее я был центром внимания, нежели сами противники. Имея поверхностные знания арабского языка, я пришел к выводу, что они обсуждают мои профессиональные выступления – и прежде всего мое искусство преодоления любого рода препятствий. Я не только понял, что они удивительно много обо мне знают, но почувствовал

какую-то враждебность к себе и скептицизм относительно моих профессиональных качеств. В конце концов до меня дошло, что древнее искусство магии в Египте не могло исчезнуть бесследно, что оно пережило века – и некоторые знания его тайн и свято охраняемых религиозных обрядов существуют и по сей день среди современных феллахов. Именно мастерство чужеземного *лахви*, иллюзиониста, вызывало ревнивое чувство, а иногда и негодование – оттого и ставилось под сомнение. А я все думал о том, насколько мой низкоголосый проводник, Абдул Рейс, походил на древнего египетского жреца, или фараона, или улыбающегося Сфинкса... и изумлялся.

Неожиданно молниеносно произошло то, что доказало верность моих предчувствий, заставив проклясть ту беспросветную глупость, что подтолкнула меня к принятию событий этой ночи за чистую монету. Против меня преднамеренно сговорились – в ответ на тайный знак Абдула вся компания бросилась на меня и, вытащив толстые веревки, связала так крепко, как меня не связывали еще никогда в жизни – ни на сцене, ни вне ее.

Поначалу я сопротивлялся, но вскоре понял, что одному человеку не под силу справиться с шайкой более чем двадцати крепких и сноровистых варваров. Руки мои были скручены за спиной, колени согнуты настолько, насколько это было возможно, а запястья и щиколотки были прочно сведены неподатливыми узлами. Рот мне заткнули удушливым кляпом, на глазах туго затянули повязку.

Взвалив меня на плечи, арабы стали спускаться с пирамиды. Меня подбрасывало при каждом шаге, а предатель Абдул без устали глумился надо мной. Он заверил, что скоро мне представится величайшая возможность проверить свои способности эскаписта и что я быстро забуду о самомнении, которое, возможно, завладело мной после триумфального турне по Америке и Европе. *Египет*, напомнил он насмешливо, *древняя страна, исполненная древней магии, а истинная магия – единственно достойное испытание для мужа, что бахвалится тем, что может выбраться отсюда угодно и при каких угодно условиях.*

Не могу сказать, как далеко меня унесли и в каком направлении, так как было сделано все против того, чтобы у меня сложилось более или менее точное представление о времени и пространстве. Однако, я полагаю, вряд ли расстояние было большим, так как несущие меня, даже не поспешая, уложились в малое время. Именно эта подозрительная краткость нашего пути заставляет меня содрогаться всякий раз, когда я вспоминаю о плато Гизы, так как близость туристических маршрутов, существовавших тогда и, должно быть, существующих поныне, весьма обманчива.

Эта зловещая видимость близкого расстояния, о которой я говорю, поначалу не была столь очевидной. Усадив меня на поверхность, которая, как я почувствовал, была скорее песчаной, чем каменистой, мои похитители обмотали мне грудь веревкой, и несколько футов тащили меня волоком к какому-то неровному углублению в земле, и вскоре опустили меня куда-то вниз, обращаясь со мной довольно бесцеремонно. Целую вечность я бился о каменные шероховатые бока узкого, высеченного в камне колодца, пока огромная, почти невероятная глубина не лишила меня возможности строить какие-либо догадки.

Ужас от проводимого надо мной эксперимента все больше охватывал меня с каждой секундой, растянутой до вечности. То, что спуск сквозь эту отвесную твердую скалу мог быть столь бесконечным и не достигнуть центра самой планеты – или что любая веревка, изготовленная человеком, могла быть столь длинной, чтобы окунуть меня в это дьявольское и, по-видимому, бездонное чрево преисподней, – были рассуждениями столь нелепыми, что легче было усомниться в собственных неумеренно взволнованных чувствах, чем поверить всему этому. Даже сейчас я колебался, так как знаю, насколько обманчивым становится наше восприятие, ежели мы лишаемся одного или нескольких привычных чувств. Но я абсолютно убежден, что сохранял тогда трезвую голову. По крайней мере, я не дополнял свое разгулявшееся вообра-

жение картинами, достаточно мерзкими в своей реальности – плодами самовнушения, порождающего галлюцинации.

Вышеописанное, однако, не имеет отношения к моему первому обмороку. Брутальность испытания шла по возрастающей, и первым звеном в цепи всех последующих ужасов явилось очевиднейшее увеличение скорости моего спуска. Те, кто стоял наверху и травил этот издевательски-бесконечный трос, похоже, упустили свой конец из рук, и я стремительно мчался вниз, крича, когда грубые, сужавшиеся стены колодца обдирали меня до крови. Одежда моя изорвалась в клочья, я чувствовал, что все тело было покрыто ссадинами и кровоподтеками, вызывающими мучительную боль. Тут же ощутил я едва поддающуюся определению смесь запахов: всепроникающий дух сырости и затхлости, привычный и изведанный, и некий фимиам, удивительно непохожий ни на что из того, что мне приходилось обонять, – напоминающий острый аромат пряностей и благовоний, коим решительно неоткуда было взяться глубоко под землей.

Обморок, в спасительные пучины которого я погрузился, принес не умиротворение, но канву жутких видений, сравнимых по ирреальности с моим низвержением в этот адский узкий колодец, впивающийся в меня миллионами каменных зубов. В видениях этих я то воспарял на крыльях летучей мыши над затхлой пропастью под иссиня-черным, безграничным звездным небом, то окунался в алчущую бездну, наполненную сатанинским грохотом. Крылатые фурии, смеясь, подхватывали меня, хищнически терзая не тело, но душу. Физический плен – веревка и кляп во рту – обрел странное воплощение в этом дымном бреде: грезилося мне, что я охвачен громадной когтистой дланью, пятипалой, заросшей жесткой желтой шерстью; длань сия выросла откуда-то из-под земли и сжала, силясь задушить. То был сам Древний Египет, думается мне, – его дух, его атмосфера, его погребенное зло, существовавшее до появления человека, готовящееся, возможно, и пережить род людской.

Мне виделся ужасный и отвратительный утерянный мир Египта, его вызывающее суеверный страх преклонение перед смертью. Мне виделись призрачные процессии жрецов с головами быков, шакалов, кошек и козерогов; призрачные процессии, тянувшиеся нескончаемым потоком по подземным лабиринтам и дорогам вдоль колоссальных профилей, рядом с которыми человек выглядел песчинкой. Они предлагали богам, коих невозможно описать, неопишуемые же подношения. Каменные колоссы шагали сквозь ночь и гнали стада ухмыляющихся сфинксов вниз, к берегам бесконечно тянущихся стоячих смоляных рек, и над всем довлела магия – черная аморфная сила, подавляющая человека, лакающая из источника его сил, воздающая сомнительными дарами, увлекающая открывающимися блистательными возможностями – и украдкой подталкивающая к краю бездны, тесной от голодных мертвецов.

Лица в моих видениях постепенно обрели человеческие черты, и я узрел своего проводника Абдула Рейса в одеянии фараона с полуулыбкой Сфинкса на лице. И ведомо мне было, что лицо это – сфинксово, лицо Хефрена Великого, Хефрена, построившего храм с несметным количеством коридоров, проложенных в живом песке и заговоренном камне. И я взираю на длинную худую и негнущуюся руку Хефрена; длинную, худую и негнущуюся руку, какую видел у диоритовой статуи в Каирском музее – статуи, которую археологи нашли в центральном храме. Она была отвратительно холодной и стискивала меня; то был холод и теснота саркофага – это сжимал меня, подобно тискам, сам Египет, волшебный Египет, греза простолюдинов и королей... то был черный, как беззвездная ночь, Египет-кладбище... та желтая длань... и такая жуткая молва о Хефрене...

И все же – мне должно возблагодарить всех богов за то, что дали мне эту передышку! Ибо, вынырнув из водоворота кошмаров иллюзорных в не менее кошмарную явь, я обнаружил себя в здравом уме – следовательно, способным пересилить тот страх, что грозил преградить мне путь наверх. Приходил в себя я долго, болезненно, цепляясь за воспоминания о кулачном бое, вытесняя ими сонм наваждений, которым впоследствии суждено будет остаться в моей памяти в общих, размытых чертах.

Реальность встретила меня ложем – сырой каменной твердью. Веревки врезались в мое тело безжалостно, словно пути питона. Раны мои овевались холодным током воздуха, распалюющим боль; многочисленные порезы и ссадины, которые я заработал, пока падал в колодец, невыносимо ныли. Это ощущение усиливалось до жалящей, жгучей остроты, и любого самого осторожного движения было достаточно, чтобы все мое тело начинало биться в мучительных судорогах.

Когда я повернулся, то почувствовал, как дернулась натянутая веревка, на которой меня спустили сюда, и пришел к выводу, что она все еще достигала поверхности. Держали ее до сих пор арабы или нет, я не имел ни малейшего понятия; я также не мог сказать, на какой глубине нахожусь. Но я знал, что меня окружает тьма – ни проблеска света не проникало сквозь мою повязку на глазах. И все же я не настолько доверял своим чувствам, чтобы принять в качестве доказательства непомерной глубины ощущение большой продолжительности спуска, испытанное мною.

Будучи уверен по крайней мере в том, что нахожусь на значительном удалении от поверхности непосредственно под отверстием, я не очень решительно предположил, что местом моего заключения, возможно, стала подземная часовня древнего фараона Хефрена, Храм Сфинкса; может статься, некий внутренний коридор, который мои гиды-проводники утаили от меня во время утреннего посещения и из которого я мог бы без труда убежать, найдя дорогу к перекрытому ходу. Все здешние коридоры скорее напоминали лабиринты, но с лабиринтами я уже имел дело – и их не страшился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.